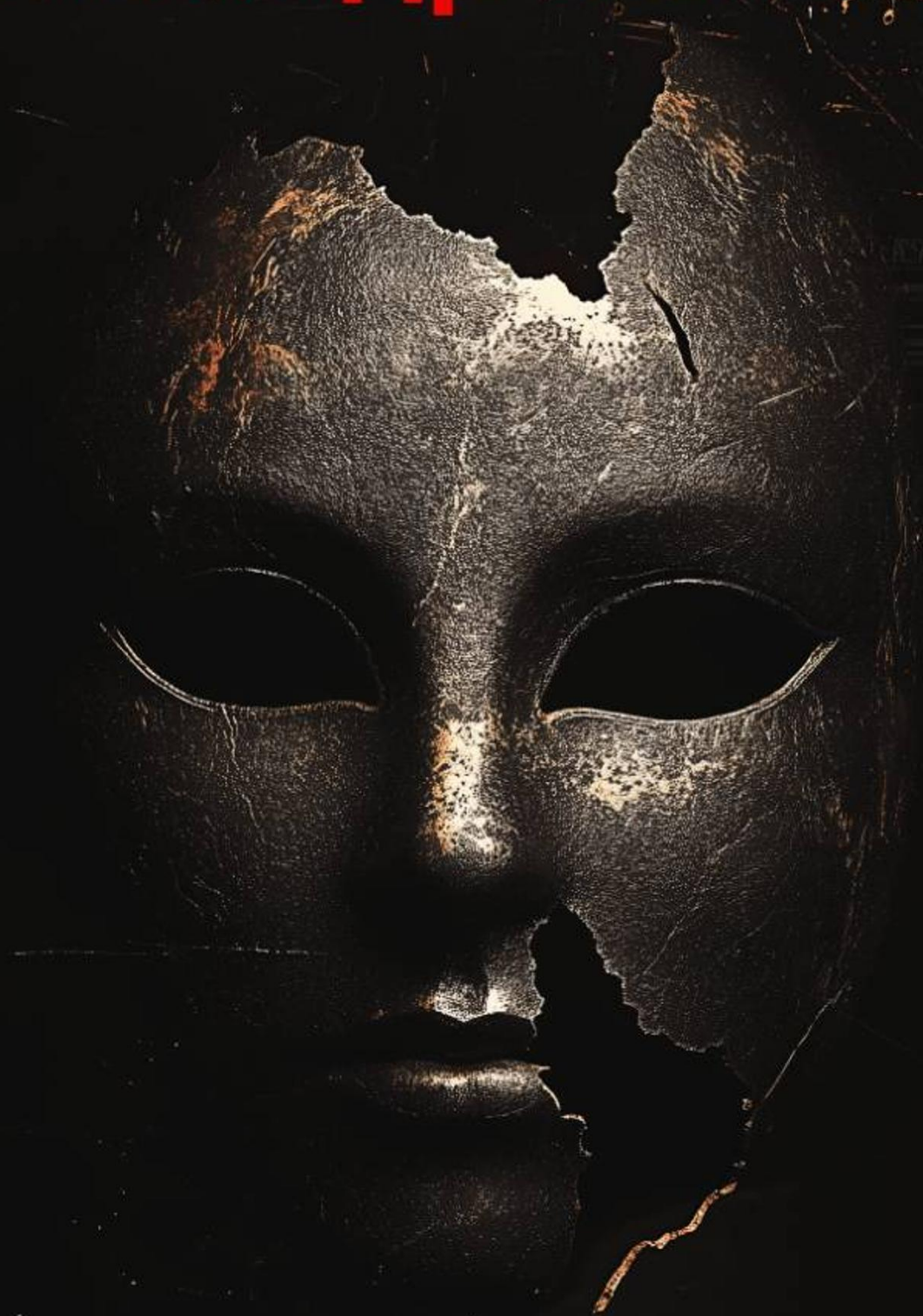

Александр Восьмой

Книга 3. Толстяк и Печь, Которая Помнит

18+

Александр Восьмой

**Книга 3. Толстяк и
Печь, Которая Помнит**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 3. Толстяк и Печь, Которая Помнит / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Даффи Толстяк пёк хлеб в заброшенной пекарне на окраине, где никто не снимает дома и никто не спрашивает, откуда мука. Мука была тёмная, мелкая, пахла не зерном — землёй. Хлеб получался невкусный, но сытный: съевший кусок забывал всё дурное. Даффи думал, что делает добро. Пока печь не заговорила голосом его покойной матери — и не попросила ещё одной горсти. Толстяк бежал, но печь помнит всех, кто пёк в ней, и всех, кого в неё положили. Она голодна. И она знает, где живёт Даффи.

Александр Восьмой

Книга 3. Толстяк и Печь, Которая Помнит

Глава 1. Мука с окраины

Тени на мёртвой улице сгущались, будто сами дома втягивали в себя свет. Даффи Толстяк замер у покосившейся двери заброшенной пекарни — она смотрела на него чёрными провалами окон, словно ждала. Внутри пахло не тестом и не ванилью, а сырой землёй, будто кто-то разворошил могилу посреди зала.

В подвале лежали мешки. Мука была тёмной, мелкой, как пепел, и липла к пальцам, будто хотела остаться на коже. Даффи сгрёб пригоршню, поднёс к носу — и на секунду ему показалось, что он снова в детстве: мать шепчет: «Не трогай, сынок, это не для нас». Он тряхнул головой. Нет. Он делает добро. Пусть хоть кто-то наестся.

Он разжёл печь. Пламя взвыло, будто обрадовалось, и тут же осело в тихий, жадный шёпот. Даффи замешивал тесто, бормотал себе под нос, что всё будет хорошо, что этот хлеб спасёт хоть кого-то в этом опустевшем городе. И хлеб получался странным: серым, плотным, без запаха свежести, но сытным. Тот, кто съедал кусок, на мгновение забывал всё дурное — будто кто-то аккуратно стёр из памяти самую тяжёлую часть дня.

К вечеру у пекарни собралась небольшая толпа. Мужик Оптима постоял в стороне, хмуро посмотрел на очередь, потом подошёл к Даффи:

— Откуда мука?

Даффи пожал плечами:

— Не важно. Главное, что люди едят.

Оптима хмыкнул, но спорить не стал. В этом городе «не важно» стало почти религией.

Фаргус, стоявший чуть поодаль, чувствовал, как воздух вокруг пекарни будто густеет. Ему казалось, что печь не просто греет — она слушает. И ждёт.

Когда последний кусок ушёл из рук Даффи, наступила тишина. Такая, что слышно было, как скрипит половица под чьим-то невидимым шагом. И тогда печь заговорила.

Голос был знакомым до боли — голос его покойной матери:

— Ещё горсть, сынок. Ещё немного.

Даффи попятился, уронил лопату.

— Нет... я всё, я закончил...

— Печь помнит всех, кто пёк в ней, — голос стал ниже, холоднее. — И всех, кого в неё положили. Она голодна. И она знает, где ты живёшь.

Толстяк развернулся и побежал. Улица металась перед глазами, дома скалились пустыми окнами, а за спиной росло низкое, утробное урчание — будто печь улыбалась.

Окси, Сиринити и Прима, стоявшие неподалёку, переглянулись. Они не слышали голоса. Но они видели, как побелел Даффи, как дрожали его руки. И как из тёмного зева пекарни на порог выползла тонкая струйка тёмной муки, похожая на след от пролитой крови.

Печь ждала. И теперь она знала, кого звать по имени.

Глава 2. Хлеб, что забывает

Первая буханка вышла тяжёлой, некрасивой, почти чёрной — будто впитала в себя всю тьму окраины. Даффи постучал по корке: звук был глухим, как удар в запертую дверь. Он протянул хлеб старику с трясущимися руками. Тот отломил кусок, пожевал, поморщился — а потом вдруг опустил плечи, и из его глаз ушла многолетняя тяжесть.

— Словно кто-то стёр старую рану, — прошептал старик. — Будто её и не было.

Слух пополз по округе, как дым сквозь щели. К утру у пекарни уже стояла очередь: женщины с потухшими глазами, мужчины с каменными лицами, дети, которые слишком рано научились вздрагивать от резких звуков. Все хотели забыть хоть что-нибудь.

Даффи работал ночами. Мука липла к рукам, будто пыталась удержать его, но он не замечал. Он месил, раскатывал, ставил в печь — и не видел, как пламя внутри каждый раз будто вздыхало с облегчением. И ещё он не замечал, что сам никогда не ест свой хлеб.

Мужик Оптима стоял в стороне, скрестив руки, и смотрел, как люди расхватывают буханки.

— Слишком дёшево это даётся, — пробормотал он. — Забывание не должно быть таким простым.

Фаргус чувствовал, как воздух у пекарни становится густым, словно сироп, и в нём плавают обрывки чужих воспоминаний — шёпот, стоны, чьи-то невысказанные извинения. Ему казалось, что если глубоко вдохнуть, можно подхватить чужую боль, как простуду.

Окси, Сиринити и Прима держались вместе. Прима протянула руку, коснулась края мешка с мукой — и тут же отдёрнула, будто обжёгшись.

— Она не просто забывает, — тихо сказала она. — Она вытягивает.

Сиринити нахмурилась:

— Что вытягивает?

— Всё. То, что делает нас теми, кто мы есть.

Внутри печи что-то щёлкнуло, как замок, проворачивающийся в темноте. Очередь не заметила. Они жадно ломали хлеб, глотали, закрывали глаза — и на мгновение становились легче. Но в этом облегчении было что-то неправильное, как в тишине после крика, когда понимаешь: кричали не просто так.

Когда последняя буханка ушла из рук Даффи, он наконец огляделся. Улица была пуста, но не спокойна. Пустота дышала. И из тёмного зева пекарни донёсся тихий, едва уловимый шёпот — не голос, а скорее эхо чьего-то долгого, затаённого голода.

Даффи сжал кулаки. Он хотел верить, что делает добро. Но печь, казалось, знала другой счёт. И этот счёт уже начали записывать.

Глава 3. Постояльцы

Окраина не любила гостей, но эти гости не спрашивали разрешения.

Первым пришёл Мужик Оптима — грузный, небритый, с ржаным смехом, который звучал здесь почти вызывающе. Он снял комнату в покосившемся доме напротив пекарни, притащил старый сундук, сел на него и сказал:

— Пусть хоть стены скрипят — зато не одни.

За ним явился Фаргус — тощий, будто собранный из углов и острых рёбер. На поясе у него висел молоток, и он тут же принялся чинить всё, что ломалось, а ломалось здесь решительно всё: скрипучие ступени, разошедшиеся ставни, даже воздух, казалось, нуждался в подпорке. Он не спрашивал, откуда мука. Он просто брал буханку, отламывал кусок и жевал, глядя на печь так, будто видел в её чёрной пасти что-то, чего не видел никто другой.

Окси, бродяжка с кошачьими манерами, объявилась ближе к вечеру. Она не просила комнаты — она просто исчезла в тенях, а потом обнаружилась на чердаке пекарни: сидела, поджав ноги, и смотрела вниз, где Даффи снова и снова сыпал тёмную муку в миску.

— Тут тихо, — сказала она, когда Даффи заглянул наверх. — И печь не смотрит прямо в глаза. Пока.

Сиринити приходила каждую ночь. Она стояла у двери, не заходя внутрь, и смотрела на свет из пекарни, как на что-то опасное и притягательное одновременно. Глаза у неё были цвета мокрого пепла — в них отражалась вся серость улицы. Она никогда не брала хлеб.

— Он не для меня, — шептала она, если кто-то предлагал. — Я помню слишком многое. А забыть — значит потерять дорогу назад.

Прима пришла последней. Она появилась на улице, когда сумерки уже легли на крыши, тяжёлые и плотные, как мокрое полотно. Она знала эту окраину не по рассказам. Она знала, что тьма не просто поселилась здесь — она выбрала эту улицу, как выбирают дом, где никто не будет мешать.

— Ты зря печёшь, Даффи, — сказала она, остановившись перед ним. — Эта мука не стирает боль. Она её копит. И когда-нибудь ей станет тесно.

Даффи хотел возразить, хотел снова сказать, что делает добро, что люди становятся легче, что в этом есть смысл. Но слова застряли в горле, потому что печь вдруг тихо вздохнула — не огнём, не жаром, а чем-то похожим на усталый, тяжёлый вздох человека, который слишком долго ждал.

Оптим нахмурился, прислушиваясь. Фаргус крепче сжал молоток. Окси на чердаке замерла, втянув голову в плечи. Сиринити попятилась, будто почувствовала, как тьма делает шаг ближе.

А Прима смотрела не на Даффи и не на печь. Она смотрела туда, где улица обрывалась в серую пустоту, и шептала:

— Она уже здесь. И она знает, кого звать по имени.

Глава 4. Горсть для матери

Ночь в пекарне была не тихой — она дышала. Тяжёлыми, густыми вздохами, от которых шевелились тени в углах и будто сами стены прислушивались. Даффи сидел на краю деревянного ящика, смотрел, как в лотках медленно поднимается тесто — будто внутри него шевелится что-то живое, нетерпеливое. Мука на столе лежала тёмной горкой, похожей на курган из пепла.

И вдруг печь заговорила.

Не треском дров, не свистом воздуха — словом. Одним-единственным, но таким знакомым, что у Даффи похолодели пальцы.

— Даффи...

Имя прозвучало не снаружи, а будто прямо в груди, как эхо старого сна. Тёплый, усталый, просящий голос — голос его покойной матери.

— Ещё одну горсть, сынок. Ещё одну.

Даффи вскочил, шарахнулся назад, опрокинув лоток. Тесто тяжело плюхнулось на пол, но он этого не заметил. В печи не было лица, не было глаз — только багровый зев, пульсирующий, как рана. И всё же он видел её там — ту самую улыбку, ту самую усталость, которую он помнил с детства.

«Это не она, — твердил он себе. — Это просто жар, просто ветер в трубе».

Но рука сама потянулась к мешку. Сама схватила горсть тёмной муки. Сама бросила в топку.

Пламя взметнулось, жадно лизнуло зерно — и голос затих. На мгновение в пекарне стало тихо. Только слышно было, как где-то капает вода, как скрипит половица под невидимым шагом.

Даффи обвёл взглядом помещение, будто ища того, кто мог это сказать. Окси спала на чердаке, свернувшись клубочком, как кошка. Сиринити стояла у двери, будто чувствовала, как ночь стала тяжелее. Прима сидела на пороге, скрестив руки, и смотрела на печь так, словно видела сквозь кирпичи.

— Ты слышал? — хрипло спросил Даффи, обращаясь ко всем сразу и ни к кому.

Прима медленно покачала головой:

— Я не слышала слов. Но я слышала, как она вздохнула. И это был не воздух.

Мужик Оптима, стоявший у стены, сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Не бросай больше, — глухо сказал он. — Что бы она ни просила.

Фаргус, сжимавший в руке молоток, шагнул ближе к печи. В его глазах читалось не столько мужество, сколько упрямое нежелание верить в то, что происходит.

— Может, это просто тяга в трубе? — произнёс он, но сам не верил своим словам.

Печь снова вздохнула — тихо, почти нежно. И в этом вздохе было обещание: «Я подожду. Я всегда жду».

Даффи отступил к стене, прижался к шершавым доскам, будто они могли его защитить. Он хотел думать, что ему показалось. Что это просто ночь, просто усталость, просто мука, которая пахнет землёй, а не зерном.

Но где-то внутри, там, где прячутся самые старые страхи, он знал: печь не просто просила горсть муки. Она просила его вернуться. Просила стать частью того, что она копит в своей тёмной утробе.

А снаружи, за пределами пекарни, улица лежала чёрная и неподвижная, как забытое имя. И казалось, что каждый дом на ней теперь смотрит в сторону печи — и ждёт, когда Даффи снова бросит в неё горсть.

Глава 5. Кости в тесте

Фаргус стучал молотком, и каждый удар будто стряхивал пыль с самой памяти улицы. Он чинил пол в пекарне — доски скрипели, как старые признания, и одна из них, самая прогнившая, поддавалась слишком легко. Фаргус дёрнул её, она хрустнула и повисла на гвозде, обнажив тёмную пустоту под настилом.

И там лежали кости. Мелкие, старые, выбеленные временем, сложенные ровно, по-хозяйски — как дрова в аккуратной поленнице. Не сваленные в кучу, не разбросанные в панике, а уложенные так, будто кто-то очень старательно наводил порядок в темноте.

Фаргус замер. Молоток выпал из пальцев и глухо стукнулся о соседнюю доску. В горле пересохло, а перед глазами на секунду поплыло, будто мир качнулся и встал не той стороной. Он хотел закричать, хотел позвать Даффи, Приму, хоть кого-нибудь, но язык будто прилип к нёбу. Здесь молчание было валютой, и Фаргус заплатил ею сполна: он ничего не сказал. Просто пристроил доску обратно, чуть криво, чуть торопливо, и отошёл, делая вид, что просто устал.

Окси заметила. Она всегда замечала то, что другие старались не видеть. Она сидела на краю прилавка, болтая ногами, и вдруг перестала мурлыкать себе под нос. Её кошачьи глаза сузились, скользнули по лицу Фаргуса, потом — к полу, к той самой доске, которая теперь лежала не так, как раньше.

— Ты что-то нашёл, — тихо сказала она. Не спросила. Утвердила. Фаргус помотал головой, слишком резко, слишком отчаянно.

— Ничего. Просто гниль. Просто доски.

Окси помолчала, потом спрыгнула вниз, подошла и провела ладонью по щели между досками. Пальцы у неё были чуткими, почти звериными.

— Там пахнет не деревом, — прошептала она. — Там пахнет тишиной, которую нельзя вернуть.

Ночью она ушла с чердака. Тихо, без слов, без скрипа ступеней — просто исчезла, как тень, которая решила стать самостоятельной. Фаргус проснулся от странного ощущения, будто в пекарне стало на одно дыхание меньше, и выглянул в окно. Улица была чёрной, плотной, будто её залили смолой. Окси нигде не было.

Она вернулась на рассвете. Солнце только-только цеплялось за крыши, окрашивая их в болезненно-розовый цвет, когда Окси появилась в дверях. Лицо у неё было спокойным, почти отрешённым, а под ногтями темнела земля. Она не рассказывала, где была, и никто не спрашивал — потому что в её молчании чувствовалось что-то большее, чем просто нежелание говорить. Это было молчание человека, который забыл что-то важное и боится вспомнить.

Прима заметила землю под ногтями и нахмурилась.

— Ты ходила туда, куда не надо, — сказала она, не повышая голоса. — И что-то тебя там коснулось.

Окси только пожала плечами, будто это не имело значения. Но в её глазах мелькнуло что-то чужое — холодное, отстранённое, как будто часть её осталась там, в темноте, среди забытых следов.

Даффи замешивал тесто, не замечая ничего вокруг. Мука липла к рукам, смешивалась с каплями воды, превращаясь в густую, тяжёлую массу. Он думал, что делает добро, что этот хлеб спасает людей от боли. Но когда он опустил руку в миску, ему на секунду показалось, что тесто сопротивляется, будто внутри него шевелится что-то твёрдое, острое.

Он вынул руку, стряхнул муку — и увидел на ладони крошечный осколок кости, белый, как жемчужина, но безжизненный. Даффи замер, глядя на него, и в этот момент печь тихо щёлкнула, будто зевнула.

Мужик Оптима стоял у стены, скрестив руки, и смотрел на всех по очереди. Его ржаной смех сегодня не звучал — он спрятался где-то глубоко внутри, туда, где ещё можно было оставаться нормальным.

— Мы печём на костях, — вдруг произнёс он, и голос его прозвучал непривычно жёстко. — Не буквально. Но по сути — да. И эта печь не просто греет. Она собирает.

Сиринити, молчавшая всю ночь, подняла глаза цвета мокрого пепла и тихо сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.